

8. Хейдьюк и Смит играют

Кемпинг, Национальный памятник природы Нейчерал Бриджиз.

— Можно попросить у вас болторез?

Мужчина казался достаточно симпатичным — загорелый джентльмен в широких брюках, спортивной рубашке с короткими рукавами и парусиновых туфлях.

— У нас нет никакого болтореза, — ответила Абцуг.

Он игнорировал ее, обращаясь к Смигу.

— Небольшая неприятность, — он качнул головой назад в сторону другой площадки, где стояли грузовичок-пикап и дом-автоприцеп. Номера штата Калифорния.

— Ну-у, — сказал Смит.

— У нас нет никакого болтореза, — снова сказала Абцуг.

— Я смотрю, вы поставляете снаряжение, — продолжал мужчина, снова обращаясь только к Смигу. Он показал на его грузовик. — Думал, может у вас есть набор инструментов.

ЭКСПЕДИЦИИ В ГЛУШЬ ХАЙТ ЮТА — через всю дверную панель на больших ярко красных магнитных бирках.

— Ага, но болтореза нет, — снова сказала Абцуг.

— Может быть, мощные кусачки?

— Знаете, сэр, — сказал Смит, — мы можем одолжить вам ...

— Набор плоскогубцев, — сказала Абцуг.

— Набор плоскогубцев.

— У меня есть плоскогубцы. Мне нужно что-нибудь побольше.

— Спросите в офисе у смотрителей, — посоветовала Абцуг.

— Да? — Он в конце концов снизошел до разговора непосредственно с ней, как будто он не рассматривал ее краем глаза все это время. — Я так и сделаю.

Наконец он ушел, ступая через можжевельник и пинии, к своему собственному снаряжению.

— Настырный малый, — сказал Смит.

— Пронырливый, я бы сказала. Ты видел, как он смотрел на меня? Свинья. Надо было дать ему в зубы.

Смит размышлял о надписи на своем грузовике.

— Думаю, не надо нам больше никакой рекламы.

Он снял магнитные бирки.

Хейдьюк и доктор Сарвис вернулись с прогулки по лесу. Он готовили список закупок, необходимых для следующей серии своих карательных экспедиций, которую они планировали начать через десять дней. Хейдьюк со своей паранойей настоял на том, чтобы это обсуждение состоялось подальше от скопления людей.

Доктор Сарвис, пожевывая свою сигару, прочел составленный ими список: рукоятки ротора, хлопья оксида железа, взрывная машинка № 50, зажигательные свечи и тому подобные приятные вещи.

Он опустил бумага в карман рубашки.

— Я не уверен, что одобрю это, — сказал он.

— Вы хотите убрать к черту этот мост или играть в детские игры?

— Я не уверен.

— Так соберитесь с мыслями.

— Не могу же я все это погрузить в самолет.

— Запросто можете.

— Не на коммерческом же рейсе. Вы представляете себе, какой нынче проходят контроль при посадке на самолет?

— Наймите самолет, Док, наймите самолет.

— Вы думаете, я богатый бандит, да?

— Никогда еще не встречал бедного доктора, Док. Впрочем, кой черт, лучше купите нам самолет.

— Я не умею даже машину водить.

— Пусть Бонни берет уроки пилотирования самолета.

— Вы фонтанируете идеями сегодня.

— Сегодня прекрасный день, верно? Чертовски прекрасный день.

Доктор положил руку на широкую спину Хейдьюка и сжал его мускулистое плечо. — Джордж, постарайтесь набраться немножко терпения. Совсем немножко.

— Терпение, черт.

— Джордж, мы ведь не знаем точно, что мы, собственно, делаем. Если конструктивный вандализм превратится в деструктивный, что тогда? Тогда, наверное, мы будем причинять больше вреда, чем приносить пользы. Кое-кто говорит — если ты нападаешь на систему, ты ее этим только укрепляешь.

— Да уж; но если ты ее не атакуешь, она обдирает горы донага своими карьерами, перегораживает все реки своими плотинами, асфальтирует всю пустыню и все равно сажает тебя в тюрьму.

— Вас и меня.

— Только не меня. Никогда в жизни они не посадят меня ни в одну из своих тюрем. Я не тот тип, Док. Я скорее умру. И захвачу с собою с десяток ихних. Только не меня, Док.

— Они вошли на территорию кемпинга, присоединившись к девушке и Редкому Гостю. Время обеда. Душный воздух пасмурного дня давил на них. Хейдьюк открыл следующую банку пива. Вечно он открывал следующую банку пива. И вечно писал.

— Как насчет еще одной партии в покер? — обратился Смит к доктору Сарвису. — Чтобы убить время.

Док выпустил клуб сигарного дыма. — Если хотите.

— Ты вообще когда-нибудь учишься? — вмешался Хейдьюк. — Этот старый пердун уже дважды очистил нас.

— Я учусь, но, понимаешь, я как-то всегда забываю.

— Никаких игр, никакого покера, — резко оборвала Абцуг. — Нам нужно ехать. Если я к завтрашнему дню не доставлю этого так называемого хирурга обратно в Альбукерк, на нас подадут в суд за врачебную недобросовестность, что означает: больше никаких денег и высоких страховых премий, и никаких игр и развлечений здесь, на этой обетованной земле с вами, клоунами.

Она была права, как всегда. Они быстро свернули лагерь и заторопились вниз по дороге, сидя вчетвером, как сельди в бочке, в кабине пикапа Смита. А в кузове, обитом алюминием, лежало их лагерное снаряжение, продукты и ящик с инструментами Смита, ящик для льда и прочие важные принадлежности его профессии.

Они решили отвезти Дока и Бонни на посадочную полосу в Мелком каньоне, где они должны были встретить маленький частный самолет, идущий в Фармингтон, Нью-Мексико, чтобы они успели сесть там на вечерний рейс в Альбукерк. В общем и целом, по мнению доктора Сарвиса, хоть это было и дорого, и утомительно, но все же гораздо лучше, чем покрывать это жуткое расстояние — сотни четыре миль — раскаленной пустыни на его полноприводном «Континентале».

А Хейдьюк и Смит поедут оттуда к тому водному объекту, который прежде был рекою, а нынче — верхней частью озера Пауэлла, чтобы обследовать там их следующую цель: три новых моста. После этого, на следующий день, Смит должен был ехать в Хенксвилль на встречу с группой своих клиентов — туристов, направляющихся в пятидневный маршрут в горы Генри, последний из открытых и поименованных кряжей США.

А Хейдьюк? Он не знал. Он мог поехать со Смитом, а мог некоторое время побродить один. Его старый джип со всеми ценностями был оставлен неделю назад на парковке в Уовип Марина, неподалеку от Пейджа. Совсем рядом с его конечной, абсолютной, несказанной, немислимой целью, любимой мечтой Смита — плотиной. Плотиной Глен Каньона. Той плотиной.

Пока что Хейдьюк не знал, как ему вернуться к своему джипу или вернуть себе свой джип. Он всегда мог пройти эти — двести миль? триста миль? — если необходимо, вверх и вниз, в ущелье и обратно по этой Богом благословенной, самой прекрасной, первозданной стране каньонов. Он мог одолжить у Смита одну из его резиновых лодок, наполнить ее воздухом и проплыть 150 миль вниз по этому застойному озеру Пауэлла. Или мог дожидаться, пока Смит отвезет его туда.

Прелесть его теперешнего положения заключалась, по мнению Хейдьюка, в абсолютной свободе, в том, что он мог — он чувствовал — отбыть в любое время, в любое место, посреди чего угодно и откуда угодно, со своим рюкзаком, галлоном воды, несколькими подходящими топографическими картами, запасом еды на три дня, и уж он, мужчина, сделает сам все, как надо, живой и здоровый. (Вся эта свежая говядина, что свободно бродит на пастбищах; вся эта оленина на копытцах в закрытых каньонах; все эти родники со свежей водой под просвечивающими тополями — сделают удобным любой из маршрутов его следующего похода).

Так он думал. Так он чувствовал. Ощущение свободы было захватывающим, хотя и с некоторым оттенком горечи одиночества, примесью печали. Старая мечта быть абсолютно свободным, не быть обязанным ни одному мужчине, ни одной женщине, витала над его бытием, как дым из трубки мечты, как серебряное облако с темной изнанкой. Потому что даже Хейдьюк сознавал, когда он сталкивался с этим непосредственно, что полное одиночество сведет человека с ума. Где-то в глубинах одиночества, за дикостью и свободой, была ловушка помешательства. Даже гриф, этот красношей, чернокрылый анархист, самый равнодушный и высокомерный из всех обитателей пустыни, даже гриф по вечерам любит присоединиться к своим близким и перекинуться с ними словцом-другим. Их стая устраивается на ночлег на самых высоких ветвях самого мертвого дерева, свесив головы и укрывшись своими черными крыльями, переговариваясь все вместе, как священники на

соборе духовенства. Даже гриф — фантастическая мысль — проходит через свадебные приготовления, вьет гнездо, ухаживает какое-то время, сидит на гнезде с кладкой яиц, выводит потомство.

Капитан Смит Команда, весело катясь по дороге, проехали поворот у пересечения с автотрассой Юта 95. Здесь они увидели длинную ленту автомобилей с приводом на четыре колеса — Скаутов, Блейзеров, Бронко, CJ-5, — с жестким верхом, тщательно оснащенных прожекторами, стойками для оружия (заполненными), лебедками, колесами высокой проходимости, коротковолновыми радиоприемниками, хромированными колпаками, — стоящих в колонне у края дороги. На двери каждой машины была одна и та же отчетливая эмблема — надпись жирным шрифтом ОКРУГ САН-ХУАН, ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА, Блендинг, Юта, и эмблема с орлом и щитом.

Поисково-спасательная группа сидела в тени с банками Кока-Колы, Пепси, Севен-ап, зажатые в волосатых лапах. (Эти мужчины всегда исправно посещают церковь). Несколько человек бродило в кустах вдоль несуществующей уже геодезической разбивки полосы отвода. Один из них окликнул Смита. Тот вынужден был остановиться.

Тот, кто его окликнул, подошел к ним.

— Эй, привет, — бодро проорал он, — не Коэб ли это Смит? Или что ли сам Редкий Гость? Как делишки, Смит?

Смит, не выключая двигателя, отвечал: — Просто прекрасно, епископ Лав. Прекрасно, как у лягушки шерсть. А вы что делаете в этих лесах?

Мужчина, огромный, как доктор Сарвис, навалился на дверь, положил свои большие красные руки на раму открытого окна и осклабился. Он выглядел, как хозяин ранчо: полный рот мощных, как у лошади, желтых зубов, лицо с дубленой кожей, наполовину прикрытое большой шляпой, рубашка на кнопках. Он прищурился, пытаясь разглядеть в полумраке кабины за Смитом трех его пассажиров, свет снаружи слепил его.

— Как вы там, люди?

Доктор кивнул; Бонни выдала свою холодную дежурную улыбку; Хейдьюк дремал. Смит никого ему не представил. Епископ Лав снова обратился к Смицу.

— Редкий, — говорит он, — что-то я давненько не видел тебя в наших краях. Как поживаешь?

— Не могу кричать, — негромко говорит Смит, кивая в сторону своих пассажиров. — На жизнь зарабатываю, десятину плачу, как положено.

— Платишь десятину? Ну да! А я слышал кое-что другое.

Епископ расхохотался, показывая, что это была просто шутка.

— Я плачу и налоги в Службу внутренних доходов, а вот вы, говорят, не очень-то.

Епископ оглянулся вокруг; улыбка его стала еще шире.

— Ты давай тут, никаких слухов не распускай, слышишь? И потом, — он подмигнул, — этот подходящий налог, его придумали социалисты, он противоречит Конституции, это грех человеческий против Бога, ты же знаешь это. Пауза. Смит увеличил обороты двигателя. Бегающий взгляд Лава вернулся к нему. — Слушай, мы тут ищем одного. Мужчина, ходит пешком где-то здесь, мешает всем тут. Мы думаем, может, он заблудился.

— Как он выглядит?

— Сапоги — десятый или одиннадцатый размер. С протектором.

— Не больно-то у вас подробное описание, епископ.

— Знаю. Но это все, что у нас есть. Ты его видел?

— Нет.

— Я так и думал. Ладно, мы и сами скоро его найдем, — повисла пауза. Смит снова увеличил обороты. — Ну, будь здоров, Редкий, и, слушай, следующий раз как будешь проезжать Блендинг, заскочи ко мне, понял? Надо поговорить кое о чем.

— Увидимся, епископ.

— Умница, — епископ схватил Смита за плечо, сильно потряс его и убрался из окна машины. Смит поехал дальше.

— Старый друг? — спросила Бонни.

— Не-а.

— Старый враг?

— Ага. Старина Лав, мне от него никакого проку.

— Почему ты зовешь его епископом?

— Потому что он епископ в церкви.

— Этот мужик — епископ? В церкви?

— Святых последних дней. В мормонской церкви. У нас епископов больше, чем святых, — Смит ухмыльнулся. — Какого черта, детка, я бы и сам мог быть епископом, кабы держал нос в чистоте, не перенапрягал мышцы и держался подальше от каньона Сожительства.

— Ладно, давай, — сказала Бонни, — говори по-человечески.

Хейдьюк, только притворявшийся спящим, вставил и свои два цента.

— Он говорит, если б он не совал свой конец по всей Юте и Аризоне, так теперь он у него был бы уже епископский.

— Тебя никто не спрашивал — не рот, а помойка.

— Я знаю.

— Так заткнись.

— Конечно.

— Я про это говорил, — сказал Хейдьюк. — Что Джордж сказал.

— Так что там эта поисково-спасательная команда делает на полосе отвода?

— Они сотрудничают с отделением окружного шерифа. Можно сказать — орган законной власти. Вообще-то они просто шайка бизнесменов, которые любят в свободное время поиграть в «комитет бдительности». Они не хотят никакого вреда. Каждую осень они привозят несколько охотников на оленей из Калифорнии. Каждое лето они привозят несколько пересохших бойскаутов из Большого Ущелья. Стараются делать добро. Это у них хобби такое.

— Когда я вижу, что кто-то хочет сделать мне добро, — заметил Хейдьюк, — я берусь за револьвер.

— Когда я слышу слово культура, — вставил доктор Сарвис, — я берусь за свою чековую книжку.

— Это ни то, ни другое, — сказала Бонни. — Попробуем держать наши мысли в ясном, логическом порядке. Она и ее мужчины стали глядеть вперед, через ветровое стекло, на красную панораму вдаль, голубые скалы, светлые каньоны, угловатый силуэт Вуденшу Батт на фоне северо-западного горизонта. — Что мне хочется знать сейчас, — продолжала Бонни, — так это кто такой этот епископ Лав и почему он ненавидит вас до кишок, Капитан Смит, и следует ли мне наслать на него злые чары.

— Меня зовут Редкий Гость, — сказал он, — а старина Лав ненавидит меня, потому что прошлый раз, когда мы сцепились рогами, так отброшен был он, не я. Вам не захочется слушать по это.

— Наверное, нет, — сказала Бонни. — Так что же случилось?

Грузовик ехал по пыльно — красной проселочной дороге штата Юта, слегка подпрыгивая и виляя на выбоинах и камнях. — Наверное, перед немного покривился, — говорит Смит.

— Ну, так что же случилось?

— Просто немножко не сошлись во мнениях, что стоило старине Лаву около миллиона долларов. Он хотел арендовать на сорок пять лет участок земли штата с видом на озеро Пауэрла. Имел в виду построить там кое-что для летнего туризма — летние домики, торговый центр, аэродром и т. д. В Солт Лейк было слушание, и мы с друзьями поговорили там в Комиссии землеустройства, чтобы они это дело заблокировали. Пришлось долго побеседовать, но мы их все-таки убедили, что проект Лава — мошенничество, чем он и был на самом деле, и вот он по сию пору никак мне не простит. Мы и до того с ним так спорили, он и я, несколько раз.

— Я думала, он епископ.

— Так это только по вечерам в воскресенье и среду, на церковных службах. Все остальное время он по уши в недвижимости, урановых шахтах, скотоводстве, нефти, газе, туризме, — почти всюду, где хоть немного пахнет деньгами. Этот человек услышит, как долларовая бумажка падает на пушистый ковер. А сейчас он баллотируется в законодатели штата. У нас в Юте таких полно.

— Скажи им, что Хейдьюк вернулся, — сказал Хейдьюк. — Это охладит их пыл. Он вышвырнул пустую банку через окно и открыл новую. Бонни внимательно смотрела на него.

— Я думала, мы будем загаживать только асфальтированные дороги, — сказала она. — А это — не мощеная дорога, если твои глаза не настолько налиты кровью, что ты этого не замечаешь.

— Хрен с ним, — он швырнул в окно и крышечку от новой банки.

— Это блестящий ответ, очень остроумный, Хейдьюк, — сказала она. — Отличная находка. Настоящий блеск ума на все случаи жизни.

— Хрен с ним.

— Нет слов. Док, ты так и будешь сидеть тут, как кусок жира, и слушать, как эта волосатый боров оскорбляет меня?

— Н-ну-у... да, — ответил Док после долгого раздумья.

— Тем лучше. Я вполне взрослая женщина, могу сама за себя постоять.

Хейдьюк, сидя у окна, обозревал пейзаж, этот обычный ландшафт зоны каньонов — грандиозный, безлюдный, бесстыдно эффектный. Там, вдали, среди этих плоских вершин и остроконечных пиков, розово-красных на фоне неба, лежало обещание чего-то глубоко личного, очень интимного, близкого — близкое в отдаленном. Тайна и откровение. Позже, думал он, мы во все это вникнем.

Они добрались до Мелкого каньона, представляющего собою щель в коренной породе десять футов в ширину и пятьдесят в длину с перекинутым через него старым деревянным мостиком. Еще там есть склад из шлакоблоков, выполняющий функции магазина в Мелком

каньоне, заправочная станция, почта и общественный центр, а также взлетная полоса, расчищенная бульдозером, мощеная булыжником и запятнанная коровьими лепешками. На ней ожидал один четырехместный самолет. Все это вместе было — аэропорт Мелкого Каньона.

Смит проехал мимо болтающегося на шесте конуса, указывающего направление ветра, прямо к крылу самолета, где и остановился. Когда он выгрузил пассажиров и багаж, из магазина вышел пилот, попивающий кока-колу из банки. Не прошло и пяти минут, как все поцелуи (Смит и Бонни), рукопожатия, объятия и прощания были завершены, и доктор Сарвис и мисс Абцуг, снова оторвавшись от земли, летели своим курсом на юг, к Нью-Мексико и домой.

Хейдьюк и Смит пополнили запасы пива и поехали дальше, в сторону солнца, вниз, в сторону реки, в сторону ветра, в красно-каменный, обрывистый край реки Колорадо, сердце сердца американского Запада. Где всегда дуют ветры, где ничего не растет, кроме приземистого можжевельника на краю обрыва, там и сям разбросанного перекасти-поля да колючих кактусов. После зимних дождей, если они будут, а также и после летних, если будут и они, наступает краткий период цветения совершенно эфемерных цветов. Среднегодовой уровень дождевых осадков достигает пяти дюймов. Такая земля вызывает ужас и отвращение в сердцах земледельцев, скотоводов, застройщиков. Здесь нет воды; нет почвы; нет травы; здесь нет деревьев — разве несколько отважных тополей в глубине каньонов. Ничего, кроме голого камня с тонкой кожей из песка и пыли, тишины, простора и гор вдали.

Хейдьюк и Смит, трясясь в своем грузовике по пустыне, проехали, не останавливаясь (поскольку Смит не выносил воспоминаний) поворот на старую дорогу, которая прежде вела к деревушке Хайт (не путать с Хайт Марина). Хайт, в прошлом родина Редкого Гостя и все еще юридический адрес центрального офиса его компании, теперь лежит под водой.

Они ехали дальше, и сейчас как раз подъезжали к новому мосту через Белый каньон, первому из трех новых мостов в этой зоне. Три моста через одну реку?

Посмотрите на карту. Когда плотина Глен Каньона перекрыла Колорадо, ее воды покрыли выше Хайта, перекатились через него, через паромную переправу и поднялись на тридцать миль от нее вглубь каньона. Самым подходящим местом для моста через реку (ныне озеро Паэлла) было выше Узкого каньона. Чтобы добраться до строительной площадки моста через Узкий каньон, нужно было построить мост через Белый каньон на востоке и каньон Грязного Дьявола на западе. Вот вам и три моста.

Хейдьюк и Смит остановились, чтобы оглядеть мост через Белый каньон. Он, как и два других, был арочной конструкции, массивный, рассчитанный на века. Головки болтов поперечных элементов конструкции, и те были размером с мужской кулак.

Джордж Хейдьюк некоторое время ползал вокруг берегового устоя, где кочевое племя туристов, несмотря на то, что мост был совсем новым, уже оставило свои следы — свои подписи краской из распылителей на светлом бетоне и свои экскременты в пыли, ссохшиеся

и сморщенные.

— Не знаю, — говорит он, — не знаю. Один сплошной здоровенный хрен.

— Средний еще больше, — замечает Смит.

Они уставились вниз через перила на тонкую струйку, извивавшуюся внизу, в двухстах футах от них, — периодический, строго сезонный водоток Белого каньона. Их банки из-под пива полетели легко, как бумажные стаканчики, и канули во тьму ущелья. Первый весенний паводок смоев их вместе со всеми остальными обломками и отбросами в водохранилище — озеро Пауэлла, где весь мусор, выброшенный выше по течению, находит вполне подходящее место для свалки.

Поехали к среднему мосту.

Они спускались, направляясь вниз, но масштабы здесь были настолько грандиозны, а топография настолько сложной, что путешественник не мог увидеть ни реки, ни центрального каньона до тех пор, пока не достигал самого его края.

Сначала они увидели мост — высокую симпатичную двойную арочную конструкцию из серебристой стали, поднимающуюся достаточно высоко над уровнем проложенной по нему автодороги. Потом появился в поле зрения срез стен Узкого каньона. Смит припарковал машину; они вышли и пошли на мост.

Первое, что они заметили — это то, что реки здесь больше не было. Кто-то убрал реку Колорадо. Для Смита это была старая новость, но для Хейдьюка, который знал о ней только по слухам, открытие, что реки на самом деле не стало, было потрясением. Он глядел вниз, но видел там не реку, а неподвижную, топкую, грязно-зеленую массу стоков, мертвую, гниющую, с нефтяной пленкой на поверхности. Полоса высохшего ила и минеральных солей на стенах каньона, как на стенках ванны, показывала отметку уровня высоких вод. Озеро Пауэлла — водохранилище, ловушка наносов, испарительная емкость и свалка всяческого мусора, отстойник сточных вод 180 миль длиной.

Они глядели вниз. Несколькодохлых рыбешек плавало брюхом вверх среди апельсиновых корок и бумажных тарелок. Одно пропитанное водою дерево — опасное препятствие для навигации — нависало в статической середине. Они ощущали гнилостный запах разложения, слабый, но безошибочно узнаваемый, поднимающийся к ним с глубины четырехста пятидесяти футов. Где-то под этой неподвижной поверхностью, внизу, где оседал клубящийся ил, до сих пор еще, должно быть, стоят затонувшие тополя с водорослями на разбухших мертвых ветвях и толстым слоем ила на древних их коленях. Где-то под тяжким гнетом слоя воды, никуда не текущей, под тишиною, лежали старые камни русла реки, ожидая обетованного воскресения. Обетованного кем? Обетованного Капитаном Джозефом «Редким Гостем» Смитом; сержантом Джорджем Вашингтоном Хейдьюком; доктором Сарвисом и мисс Бонни Абцуг, вот кем.

Но как?

Хедьюк ползком спустился по камням и осмотрел опоры моста: весьма основательные, бетонные. Береговые устои основательно заглублены в песчаниковую стену каньона; гигантские двутавровые балки скреплены болтами размером в мужскую руку и гайками со столовую тарелку. Если иметь гаечный ключ с головкой в 14 дюймов, думает Хедьюк, с ручкой, как 20-футовый лом, то он, быть может, и сгодился бы как рычаг для этих гаек.

Они поехали к третьему мосту, над ныне затопленным устьем реки Грязного Дьявола. По пути они проехали немаркированную грунтовую дорогу — колею от джипа — ведущую на север, в сторону Мейза, Земли Стоящих Камней, Плавников, Скалы Ящериц и Края Земли. Ничья земля, Смит хорошо это знал.

Третий мост, как и предыдущие, представлял собою арочную конструкцию сплошь из стали и бетона, рассчитанную на вес сорокатонных самосвалов с карнотином, уранинитом, бентонитом, битуминозным углем, диатомовой глиной, серной кислотой, буровыми шламами Шламбергера, медной рудой, нефтеносным глинистым сланцем, гудроном и всем тем, что еще можно будет извлечь из недр этих отдаленных земель.

— Нам тут потребуется грузовик взрывчатки, — говорит Джордж Хедьюк. — Не то что эти старые деревянные мостики на фермах и эстакадах там, в «Наме».

— Кто, к дьяволу, сказал, что мы должны взорвать все три? — спрашивает Смит. — Если мы уберем любой из них, движение будет прервано.

— Симметрия, — отвечает Хедьюк. — Славная аккуратная обработка всех трех будет выше оценена. Я не знаю. Давай подумаем. Смотри, ты видишь, вон там?

Перегнувшись через перила моста Грязного Дьявола, они смотрели на юг, в сторону Хайт Марина, где на воде стояло несколько ошвартованных крейсерских яхт, на то, что было поближе и интересовало их гораздо больше: на взлетно-посадочную полосу Хайта. Оказалось, что ее расширяют. Они увидели четверть мили расчищенной земли, грузовик, колесный погрузчик, автосамосвал и завершающий работу бульдозер Катерпиллер D-7. Эта взлетно-посадочная полоса протянулась с севера на юг на плоском уступе, пониже дороги, повыше водохранилища; один ее конец отстоял от края уступа едва ли более, чем на пятьдесят футов. Дальше шла вертикальная стена высотой футов 300 до самой темно-зеленой поверхности вод озера Пауэлла.

— Да вижу я, — неохотно ответил наконец Смит.

Как раз пока они смотрели, оператор бульдозера вышел из него, сел в пикап и поехал к водоему. Снова время обеда.

— Редкий, — говорит Хедьюк, — этот парень заглушил двигатель, но он же точно ничего оттуда не забрал.

— Нет?

— Абсолютно точно.

— Ну-у ...

— Редкий, я хочу взять у тебя урок вождения.

— Не здесь.

— Именно здесь.

— Не посреди ясного дня.

— Почему бы и нет?

Смит искал какого-нибудь повода отказаться. — Не на виду же у этих яхтсменов, болтающихся в яхт-клубе.

— Да им наплевать. У нас жесткие шляпы, и твой грузовик, и они примут нас за строителей.

— Не будешь же ты поднимать большой шум у лодочных причалов.

— Будет один чертовски шумный всплеск, а?

— Мы не можем сделать это.

— Это дело чести.

Смит подумал, поразмыслил, помедитировал. Наконец глубокие складки разгладились, его загорелое лицо расплывается в облегченной улыбке.

— Сначала сделаем одну вещь, — говорит он.

— Это что же?

— Уберем номера с моего пикапа.

Сделано.

— Поехали, — говорит Смит.

Дорога вьется вокруг истоков боковых каньонов, ведет вверх, вниз, снова вверх, к плоской столовой горе над яхт-клубом. Они повернули и поехали к взлетно-посадочной полосе. Вокруг — никого. Внизу, в яхт-клубе, несколько яхтсменов, лодочников и рыбаков посиживали в тени. Пикап водителя бульдозера стоял у кафе. Волны горячего воздуха поднимались над красными скалами. Мир, сомлевший от жары, был тих, только издали доносилось бормотание моторной лодки.

Смит подрулили прямо к борту бульдозера, покрытого пылью железного зверя среднего возраста. Заглушив мотор, он взглянул на Хейдьюка.

— Я готов, говорит тот.

Они надели свои твердые шляпы и вышли.

— Сначала включаем стартер, правильно? — спрашивает Хейдьюк. — Чтобы разогреть дизельный двигатель, правильно?

— Неправильно. Его уже для нас разогрели. Сначала проверяем все рычаги управления, чтобы убедиться, что трактор в правильной стартовой позиции.

Смит влез на водительское сиденье, перед которым были расположены различные рукоятки, рычаги и педали. — Это, — сказал он, — рычаг сцепления маховика. Выключаю. — Он толкает рычаг вперед. — А вот это здесь — это рычаг, которым ты выбираешь скорость. Стоит на нейтральной.

Хейдьюк смотрел во все глаза, запоминая каждую деталь. — Вон то — дроссель, — отметил он.

— Верно. Это рычаг переднего и заднего хода. Он тоже должен быть в нейтральной позиции. Это — рычаг управления гидравлической системой. Толкаешь все время только вперед. Теперь нажимаем правую тормозную педаль, — он наступил на правую педаль, — и закрепляем ее в этой позиции. — Он щелкнул маленьким рычажком. — Теперь...

— Значит, все на нейтральной, а тормоз закреплен, и он никуда не может двинуться?

— Верно. Теперь, — Смит слез с сидения и придвинулся к левой стороне двигателя, — теперь мы заводим стартер. Новые трактора гораздо проще, им не нужен стартер, но здесь вокруг таких старых полно. Эти большие трактора будут работать лет пятьдесят, если за ними хорошенько смотреть. Так, теперь вот здесь этот маленький рычажок называется рычаг регулирования трансмиссии. В стартовом положении ставишь его вот сюда, видишь, — **ВЫСОКАЯ СКОРОСТЬ**. Это вот — рычаг компрессии — ставим его вот сюда, в позицию **СТАРТ**. Теперь мы отжимаем сцепление стартера вот этой рукояткой, — он толкнул рычаг в сторону блока дизеля.

— О, Господи, — бормочет Хейдьюк.

— Ага, это немного сложновато. Теперь... где это я был? Теперь мы открываем топливный клапан, для этого откручиваем вот этот маленький вентиль вот... здесь. Теперь мы выдергиваем дроссель. Теперь мы ставим рычаг холостого хода в рабочее положение. Теперь включаем зажигание.

— Это вот здесь выключатель зажигания стартового двигателя?

— Ага. — Смит повернул выключатель. Что-то щелкнуло. И все.

— Ничего не произошло, — говорит Хейдьюк.

— О, я уверен, что что — то произошло, — ответил Смит. — Мы замкнули контур. Теперь, если это достаточно старый трактор, то дальше надо достать рукоятку и завести двигатель вручную. Но у этой модели есть электрический стартер. Ну-ка посмотрим, работает ли он, — он положил руку на рычаг под рукояткой сцепления и толкнул ее назад. Двигатель зарычал, провернулся, сработало зажигание. Смит освободил рычаг стартера, отрегулировал подсос; двигатель работал ровно.

— Это пока только бензиновый двигатель, — сказал Хейдьюк. — Нам еще нужно завести дизель, правильно?

— Правильно, Джордж. Кто-то идет?

Хейдьюк влез на водительское сиденье. — Никого не видеть.

— Хорошо. — Стартовый двигатель был теплый, Смит приблизил дроссель. Двигатель заработал на холостых оборотах. — Так, отлично, теперь беремся за вот эти два рычага здесь, — Хейдьюк подался вперед, весь внимание. — Вот этот верхний — рычаг ведущей шестерни, а нижний — сцепления. Теперь мы толкаем рычаг шестерни полностью вовнутрь, к блоку дизельного двигателя, а рычаг сцепления — полностью наружу. Теперь двигаем рычаг холостого хода так, чтобы двигатель работал на полную мощность. Теперь включаем сцепление стартового двигателя, — он выдернул рычаг сцепления. Двигатель снизил обороты, почти остановился, затем набрал скорость. Он передвинул рычаг компрессии в положение РАБОТА. — Теперь стартовый двигатель запускает основной, — прокричал Смит, перекрывая рев двигателей. — Сейчас стартую.

Хейдьюк кивнул, хотя теперь уже не был уверен, что успел за всем уследить. Трактор издавал страшный шум, выпуская клубы черного дыма, от которого плясала заслонка на выхлопной трубе.

— Так, теперь дизель работает, — прокричал Смит, одобрительно глядя на выхлопную трубу. Он вернулся к водительскому сиденью, стал рядом с Хейдьюком. — Так, теперь добавим ей оборотов. Выдерни этот рычаг обратно, на половину скорости. Теперь мы вроде как готовы двигаться. Выключаем стартовый двигатель.

Он снова продвинулся вперед и отжал сцепление стартового двигателя, закрыл топливный клапан, выключил зажигание и вернулся к Хейдьюку. Они уселись бок-о-бок на широком, обтянутом кожей сиденье водителя.

— Теперь мы готовы вести эту штуку, — прокричал он Хейдьюку, ухмыляясь. — Тебе все еще охота, или может пойдём по пиву?

— Поехали, — прокричал ему Хейдьюк. Он снова внимательно осмотрел дорогу и яхт-клуб, не видно ли каких-нибудь признаков враждебной деятельности. Казалось, все было нормально.

— Ну, ладно, — крикнул Смит. Он дернул рычаг гидравлического привода, поднимая нож бульдозера на фут от поверхности земли. — Теперь выбираем нашу рабочую скорость. У нас

пять передних скоростей, четыре задних. Раз ты у нас вроде как новичок, а до той скалы всего-то сотня ярдов, мы пока что установим самую малую скорость. Трактор был повернут в сторону высокого обрыва. Он передвинул рычаг переключения скоростей с нейтральной на первую, дернул на себя рычаг переднего и заднего хода, установил его в положении вперед. Ничего не произошло.

— Ничего не происходит, — снова занервничал Хейдьюк.

— Это верно, ничего и не должно происходить, — говорит Смит. — Не выскакивай из шкуры. Теперь немножко добавим обороты. Он перевел дроссель обратно на полную скорость. — Теперь включаем сцепление маховика. Он дернул на себя рычаг сцепления; огромный трактор задрожал, когда шестерни трансмиссии вошли в зацепление, затем Смит оттянул до конца рычаг сцепления, и трактор сразу начал двигаться — тридцать пять тонн железа — в направлении на восток, к Сан-Луису, через озеро Пауэлла и Узкий каньон.

— Уверен, что мне пора выходить, — сказал Смит, поднимаясь с сиденья.

— Минутку, — кричит Хейдьюк, — а как ты им управляешь?

— Управлять тоже, а? Ладно, берешь вот эти два направляющие рычага управления сцеплением — по одному для каждой гусеницы. Тянешь на себя правый рычаг — отжимаешь сцепление с правой стороны. — он проделал то, что сказал, и трактор начал неуклюже поворачиваться направо. — Тащи на себя второй, чтобы повернуть налево. — Он освободил левый рычаг, и трактор начал неуклюже поворачивать влево. — Чтобы повернуть резче, пользуйся тормозами рулевого управления. — Он наступил на одну, а затем на вторую педаль, поднимавшиеся над панелью пола. — Догоняешь?

— Есть, поймал, — радостно завопил Хейдьюк. — Дай я это сделаю.

Смит встал, передавая управление Хейдьюку. — Ты уверен, что все понял?

— Не морочь голову, я занят, — кричит Хейдьюк с широкой ухмылкой, сияющей сквозь его лохматую бороду.

— Ну, хорошо, — он шагнул с крыла на брус автосцепки медленно движущейся машины и легко спрыгнул на землю. — Теперь будь осторожен.

Хейдьюк не слышал его. Играя рычагами и тормозами сцепления, он выписывал сумасшедший курс по направлению к погрузчику, стоящему на краю полосы. Со скоростью две мили в час бульдозер врезался в погрузчик — огромная масса металла столкнулась с меньшей массой. Погрузчик подался, соскользнул на землю. Хейдьюк вырулил к краю взлетной полосы, толкая погрузчик вперед. Он грозно ухмылялся. Тучи пыли вздымались над лязгом, скрежетом, хрустом, визгом и стонами стали, подвергаемой чрезмерному напряжению.

Смит сел в свой пикап и завел мотор, готовый сняться с якоря при первых признаках опасности. Однако, несмотря на рев, казалось, нигде не было никакой тревоги. Желтый

пикап оставался у кафе. Внизу в яхт-клубе лодочник заправлял свою небольшую моторную лодку. Двое мальчишек рыбачили. Туристы выбирали безделушки в антикварном магазинчике. Пара коршунов парила высоко в небе над сверкающими скалами. Мир ...

Стоя за рычагами, Хейдьюк увидел за тучами пыли приближающийся край террасы. За этим краем, глубоко внизу, лежали воды озера Пауэлла, поверхность его покрылась мелкими морщинками от проплывающего судна.

Он подумал об одной конечной точке.

— Эй, — закричал он Смиту. — Как ты выключаешь эту штуку?

Смит, высунувшись из окна своего грузовика, приставил ладонь к уху: —Что там такое?

— Как ты выключаешь эту штуку? — завопил Хейдьюк.

— Что? — проорал в ответ Смит.

— КАК ТЫ ВЫКЛЮЧАЕШЬ ЭТУ ШТУКУ?

— НЕ СЛЫШУ ...

Погрузчик, подталкиваемый ножом бульдозера, докатился до края обрыва, перевернулся вверх колесами, исчез. Бульдозер неуклонно следовал за ним, выбрасывая клубы черного дыма из обгорелого края выхлопной трубы. Стальные траки гусениц крепко цеплялись за поверхность песчаника, направляя машину вперед, в пустоту. Хейдьюк выскочил. Достигнув самой кромки обрыва, трактор попытался (так показалось) спастись: одна его гусеница была несколько впереди другой, зависнув в воздухе, и трактор сделал резкий полуоборот направо, пытаясь удержаться на краю обрыва и снова обрести твердую почву. Бесполезно — спасения не было; продолжая двигаться вперед, бульдозер сделал сальто и полетел вниз по кратчайшей траектории к твердой металлически-глянцевой поверхности водохранилища. Пока он падал, гусеницы продолжали двигаться, а мотор — реветь.

Хейдьюк подполз к краю как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, во-первых, расплывчатые очертания тонущего погрузчика, и, во-вторых, несколько деталей трактора в момент, когда он с шумно обрушился в озеро. Гром падения отдавался эхом от стен каньона, потрясая, как звуковой удар при преодолении звукового барьера. Бульдозер погрузился в темноту холодных глубин озера, его неясные желтые очертания через секунду скрылись за вспышкой подводного взрыва. Целая галактика пузырьков поднялась на поверхность. Еще минуту песок и камни сыпались вниз с откоса. Но и это прекратилось; больше ничего не происходило, только моторная лодка осторожно приближалась по затихающим волнам: какой-то любопытный лодочник, привлеченный случившейся катастрофой.

— Убираемся отсюда! — закричал Смит, заметив, что внизу, в яхт-клубе, желтый отъехал наконец от кафе.

Хейдьюк встал, отряхивая пыль, и медленно побрел к Смиту. На лице его застыла огромная жестокая ухмылка.

— Давай! — заорал Смит. Хейдьюк побежал.

Они рванули прочь, когда желтый пикап взбирался по неровной дороге, ведущей от яхт-клуба к взлетной полосе. Смит направился обратно к дороге, по которой они приехали — к мосту через каньон Грязного Дьявола и дальше к Колорадо, но внезапно сильно затормозил и, резко повернув почти на середине моста, понесся к грунтовой дороге на север за поворот, который скрыл их от глаз тех, кто мог проезжать по автомагистрали.

Скрыл ли? Не вполне, поскольку облако пыли, как гигантский петушиный хвост, взвивалось за ними в воздух, выдавая их путь по грунтовой дороге.

Зная об этом, Смит остановил грузовик, как только они оказались за скалами. Он оставил двигатель на холостых оборотах на случай, если будет необходимо быстро ретироваться.

Они ждали.

Они слышали завывание преследующего их грузовика, зловещий свист резины по асфальту, когда он промчался за ними на восток. Они слушали удаляющийся шум его колес, постепенное возвращение мира, покоя, тишины, гармонии и радости.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:00:22

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:00:42